

Они любят меня? За что?!

ВАМ ОТПУЩЕНО СВЫШЕ...

В августе этого года замечательной русской актрисе Фаине Георгиевне Раневской исполнилось бы 100 лет. Ее знают и любят зрители разных поколений по участию в фильмах «Мечта», «Подкидыш», «Весна», «Золушка», по потрясающим театральным работам - миссис Сэвидж («Странная миссис Сэвидж»), Люси Купер («Дальше - тишина»), Филицата («Правда - хорошо, а счастье лучше») и многим другим. Ее одинаково удавались и ярко комедийные, и исполненные глубокого драматизма роли...

Предлагаем вашему вниманию воспоминания людей, близко знавших актрису, - ее партнеров по сцене и друзей, поклонников. А также сохранившиеся записи и высказывания самой Фаины Георгиевны.

«Зачем? Зачем они мне хлопают? Они любят меня? За что? Сколько лет мне кричали на улице мальчишки: «Муля, не нервуй меня!» Хорошо одетые надутые дамы протягивали ручки лодочкой и аккуратно сложенными губками вместо того, чтобы представиться, шептали: «Муля, не нервуй меня!» Государственные деятели шли навстречу и, проявляя любовь и уважение к искусству, говорили доброжелательно: «Муля, не нервуй меня!» Я не Муля. Я старая актриса и никого не хочу нервировать. Мне трудно видеть людей. Потому что все, кого я любила, кого боготворила, умерли. Сколько людей аплодируют мне, а мне так одиноко. И еще... я боюсь забыть текст. Пока длится овация, я повторяю без конца вслух первую фразу: «И всегда так бывает, когда девушки забирают», - на разные лады. Боже, как долго они аплодируют. Спасибо вам, дорогие мои. Но у меня уже кончаются силы, а роль все еще не началась... Я помню, как выходили под овацию великие актеры. Одни раскланивались, а потом начинали роль. Это было величественно. Но я не любила таких актеров. А когда на выход овацию устроили Станиславскому, он стоял растерянный и все пытался начать сквозь аплодисменты. Ему мешал успех. Я готова была молиться на него... «Муля, не нервуй меня!» Я сама выдумала эту фразу. Я выдумывала большинство фраз, которые потом повторяли, которыми дразнили меня. В сущности я играла очень мало настоящих ролей. Какие-то кусочки, которые потом сама дописывала. В Островском нельзя менять ни одного слова, ни одного! Я потому и забываю текст, что стараюсь сказать абсолютно точно, до запятой. А

все кругом говорят приблизительно. Не ценят слова. Не ценят Островского. И всегда так бывает, когда меня нервуют... Муля! Не запирай меня! Всегда так бывает...

О своей партнерше рассказывает артист Сергей Юрский:

«...Раневская приезжает на спектакль рано. И сразу начинает раздражаться. Громогласно и безадресно. Ей отвечают тихо и робко - дежурные, уборщицы, актеры - они не могут поверить, что великозвучное «Здравствуйте!!!» относится к ним. Раневской кажется, что ей не ответили на приветствие. И лампочка горит тускло. И ненужная ступенька, да еще полуспрятанная ковровой дорожкой. Раневская раздражается, придирается. Гримеры и костюмеры трепещут. Нередки слезы. «Пусть эта девочка больше не приходит ко мне, она ничего не умеет», - гремит голос Раневской. Я сижу в соседней гримерной и через стенку слышу все. Как режиссер я обязан уладить конфликт - успокоить Фаину Георгиевну и спасти от ее гнева несчастную жертву. Но я медлю. Не встаю с места, гримируюсь, мне самому страшно. Наконец, натянув на лицо беззаботную улыбку, я вхожу к ней.

Я должна сообщить вам, что играть сегодня не смогу. Я измучена. Вы напрасно меня втянули в ваш спектакль. Ищите другую актрису.

Я целую ей руки, отвечаю поклоны, говорю комплименты, шучу сколько могу. Но сегодня Раневская непреклонна в своем раздражении.

Зачем вы поцеловали мне руку? Она грязная. Почему в нашем спектакле поют? У Островского этого нет.

Но ведь вы тоже поете... и лучше всех нас.

Вы еще мальчик, вы не слышали, как поют по-настоящему. Меня учила петь одна цыганка. А вы знаете, кто научил меня петь «Корсетку»?

Давыдов.
Откуда вы знаете?
Вы рассказывали.
(Грозно). Кто?
Вы.

Очень мило с вашей стороны, что вы помните рассказы никому не нужной старой актрисы. (Пауза. Смотрит на себя в зеркало). Как у меня болит нос от этой подклейки.

Да забудьте вы об этой подклейке! Зачем вы себя мучаете?

Я всегда подтягиваю нос... У меня ужасный нос... Не лицо, а ж... Ищите другую актрису. Я не могу играть Островского без суфлера. Что это за театр, где нет суфлера?

Фаина Георгиевна, и я, и Галя, мы оба будем следить по тексту.

Вы - мой партнер, а Галя - помреж. Суфлер - это профессия! Не спорьте со мной!... Что это за театр, где директор никогда не зайдет, чтобы узнать, как состояние артистов! Им это, наверное, неинтересно.

В дверях появляется внушительная фигура директора театра.

Здравствуйте, Фаина Георгиевна!

Раневская подсакивает от неожиданности.

Кто здесь? Кто это?

Это я, Фаина Георгиевна, Лев Федорович Лосев. Как вы себя чувствуете?

Благодарю вас, отвратительно. Вы знаете, что в нашем спектакле режиссер уничтожил суфлерскую будку? И я вынуждена играть без суфлера.

Фаина Георгиевна, у нас в

театре вообще нет суфлерской будки.

А где же сидит суфлер?

У нас нет суфлера. Но Сергей Юрьевич мне говорил, что Галя...

Сергей Юрьевич - мой партнер, а Галя - помреж... Суфлер - это профессия. Но я благодарю вас, что вы зашли. Теперь это редкость... Странное время. Суфлерской будки нет, пьес хороших нет, времени ни у кого нет, а зрительный зал полон каждый вечер...

Так случилось, что многие годы она провела почти безвыходно в четырех стенах. Но сохранила острое любопытство к жизни во всех проявлениях. Едкая насмешливость при постоянно возвышенном складе ума и сердца. Не терпела «тонность» в обращении, но при этом для нее органически была неприемлема малейшая фамильярность. Тяга к общению и потребность к одиночеству. Безмерная печаль и могучий нутряной оптимизм... Вся семья эмигрировала после революции. Она - единственная из семьи - осталась. С народом, с революцией, с русским театром. Так говорила Раневская - не с трибуны, не в интервью, а в своей комнате один на один среди разных других разговоров. Канаты, канаты сплетались в ней! Огромный масштаб. Карта в размер самой местности. Глубина памяти в размер века... Ей бы Грознова играть! Вот тут бы она выдала, да жаль - роль мужская...

«Научиться быть артистом нельзя», - писала Раневская. - Можно развить свое дарование, научиться говорить, изъясняться, но потрясать - нет. Для этого надо родиться с природой актера».

Из воспоминаний актрисы Камерного театра Нины Сухоцкой:

«Трудно о ней писать. Она как-то вываливается из всех рамок. Раневская «пошла в актрисы», не имея ни поддержки, ни протекции. Без специального образования (не приняли в театральный институт как неспособную!) она осталась в ранней молодости совсем одна (вся ее семья эмигрировала). Ее поводом была лишь вера в призвание... Я часто вспоминаю Фаину Георгиевну дома после спектакля. Войдя в квартиру, скинув пальто, она опускалась в кресло в передней, предельно уставшая, «выпотрошенная», очевидно, от этой огромной эмоциональной отдачи на сцене и в то же время возбужденная, взбудораженная тремя-четырьмя часами этой полной отдачи. Часто она была еще в гриме... На мой вопрос обычно отвечала: «Играла ужасно! Совсем не могла играть! Какая же я бездарная!» - «Но сюда уже звонили люди, бывшие на спектакле, выражали свой восторг. Говорят, ты играла чудесно...» - «Ах, что ты их слушаешь! Я была совсем не в роли, а аплодисменты... Просто зрители по-доброму принимают все, что я делаю, - они меня любят!»

Большую часть личной жизни Раневской составляла переписка. Письма приходили

со всей страны: добрые, наивные, глупенькие, интересные и пустынные, и на все Фаина Георгиевна непременно отвечала: «Это невежливо - не отвечать, да и как же можно обидеть человека!» Сотнями покупала ей почтовые открытки для ответов, и всегда было мало...

Раневская не признавала сочувственных слов, а немедленно оказывала помощь чем только могла даже совсем незнакомым людям. Будучи сама без денег, отдавала последнюю. И делала это легко, просто, не придавая значения. Говорила: «Самое главное - я знаю: надо отдавать, а не хватать. Так и доживаю с этой отдачей»... Из всех писателей мира - самый любимый, боготворимый - Пушкин. Он постоянно был с ней. На столике у кровати и на письменном столе всегда жили томики Пушкина. «Все думаю о Пушкине. Пушкин - планета!»

С Анной Андреевной Ахматовой ее связывала многолетняя дружба. Особенно она стала тесной в эвакуации, в Ташкенте, куда Ахматову привезли совсем больной из блокадного Ленинграда. Трогательно выхаживая ее, Фаина Георгиевна отдавала что повкуснее из своего скромного пайка и по ночам героически выламывала доски из заборов, чтобы протопить ее печурку...

Фаина Георгиевна была прекрасным импровизатором. Когда у нее собирались друзья, она рассказывала и проигрывала забавные сценки из прошлой и нынешней жизни - по ходу уморительно смешного текста возникали утрированные до гротеска и все же очень достоверные персонажи. То это были шансонетки, виденные ею в кафешантанах в юности, то целая армия квартирных хозяек, у которых она снимала комнаты во время работы в провинции, то продавцы в магазинах.

В дни рождения Раневской объявлялся «день открытых дверей». И с утра до позднего вечера принимала она гостей, нарядная, приветливая, особенно красивая. Стол ломился от яств на взятой у соседей «напрокат» посуде. В этот день приезжала непременно Галина Уланова, художники Вадим Рындин, Милий Виноградов и... да всех и не перечислять. А со стен смотрели фотографии с восторженными словами, которыми она очень гордилась. «Самому искусству - Раневской», - утверждает Борис Пастернак. «Великой Фаине с любовью - Святослав Рихтер». И горячо любимый Качалов, закурявая, хитро улыбаясь: «Покурим, покурим, Фаина, пока не вернулась Нина». Уланова в «Жизели», и Шостакович, и Нина Тимофеева в «Макбете», и Твардовский, и Инна Чурикова, и Николай Акимов, и Мария Бабанова, и Любовь Орлова - они смотрят с фотографий, шлют ей свое поклонение, свою любовь».

А впрочем, о ней не расскажешь в коротких строках. Ее надо было слышать на сцене и видеть на экране...

Подготовила
Елена КУРБАНОВА.

Раневская Фаина Георгиевна

17.8.96.